

Глава I

КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ

В XVIII–XIX вв. в отечественной науке проходил процесс накопления фактических сведений по всем отраслям знаний, в том числе и по этнографии коренного населения Америки. В то время исследования по американистике сводились к сбору коллекций и эмпирическому описанию традиционной культуры аборигенов. Поэтому в главах, посвященных исследованиям по американистике в Кунсткамере / Этнографическом музее / МАЭ в XVIII–XIX вв., будет говориться в основном о поступлении отдельных собирательских коллекций и их составе.

Коллекции по народам Америки были в Кунсткамере уже в первые годы ее существования. В 1716 г. император Петр Великий приобрел в Голландии у анатома Альберта Себы (1665–1736) анатомические коллекции и различные курьезы из «Западной и Восточной Индии». «Западная Индия» — это общее название для островов Карибского моря и побережья Мексиканского залива, которое использовалось в XVIII в. Известно, что в состав коллекции А. Себы входили зоологические и ботанические коллекции из Суринама — голландской колонии в Южной Америке. Возможно, что среди них были и вещи индейцев, в начале XVIII в. в музее имелись золотые изделия из Суринама.

В первом каталоге Кунсткамеры упоминается, что в музее хранилась многочисленная коллекция одежды испано-креольского населения Аргентины [Musei 1742: 99]. Это «аргентинский головной убор», «аргентинские женские башмаки», «полный запас украшений аргентинской женщины» и т.д. Эта коллекция сгорела во время пожара Кунсткамеры в 1747 г., но в СПбФ АРАН сохранились рисунки этих вещей [Шафрановская 1965]. К американским предметам, поступившим в музей в первой половине XVIII в., относилось и несколько моделей каяков эскимосов Гренландии. Вероятно, они также сгорели во время пожара 1747 г.

Система учета коллекций

С 1724 по 1803 г. академическая Библиотека и Кунсткамера являлись единым учреждением Императорской Академии наук (ИАН). Первым руководителем Библиотеки и Кунсткамеры в 1718 г. стал Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692–1755), его помощником был Иван Данилович Шумахер (1690–1761), которого в 1724 г. назначили на должность унтер-библиотекаря. В 1741 г. унтер-библиотекарем стал зять И.Д. Шумахера, адъюнкт по истории Иван Иванович Тауберт (1717–1771). В период с 1761 по 1767 г. И.И. Тауберт осуществлял «наблюдение» за Библиотекой и Кунсткамерой. После пожара 1747 г. здание Кунсткамеры в течение двадцати лет находилось на ремонте, в это время музейные коллекции были временно размещены в других помещениях. В 1767 г. коллекции возвратили в Кунсткамеру. Тогда же при ИАН создали специальную комиссию, отдельных членов из ее состава назначили ответственными за содержание и сохранность коллекций. За зоологическое собрание отвечал академик П.С. Паллас, за анатомическое — академик К.Ф. Вольф, за гербарий — академик С.Г. Гмелин, за этнографические коллекции — «комиссар», или «помощник надсмотрителя» по Кунсткамере, Семен Сергеевич Бухвостов (1717–1789), который работал в музее с 1735 г.

Руководителем Библиотеки и Кунсткамеры в должности библиотекаря в 1771–1797 гг. был академик Семен Кириллович Котельников (1723–1806), другое название его должности — «надсмотритель по Библиотеке и Кунсткамере». При вступлении С.К. Котельникова в должность руководителя была проведена сверка коллекций, в процессе которой к отдельным предметам сделали этикетки. В настоящее время в музее имеются два типа ранних этикеток к алеутским вещам. К первому типу относится этикетка прямоугольной формы с надписью «№ 3 Олеутское» к мужскому головному убору № 2868-232. Еще одна этикетка прямоугольной формы с надписью «№ 13 Олеутское» относится к колчану № 4193-84, в комплект с которым входят стрелы (№ 2868-1, 2, 3, 4, 5, 6, 7). К стрелам этикеток нет, но на одной из них сделана надпись: «Из старого алеутского колчана».

Этикетки другого типа сделаны из игральных карт в форме квадрата со срезанными углами. Время их изготовления неизвестно, можно только сказать, что они были сделаны до 1780 г.

К деревянной охотничьей шляпе алеутов (№ 2868-23) этикетка не сохранилась, но на самой шляпе имеется надпись: «№ 2». К головному убору (№ 2868-232) есть этикетка, на которой было написано: «№ 3. Шапка олеутская мужская», затем цифру «3» исправили на «6», и получилась надпись: «№ 6. Шапка олеутская мужская». Подобные же этикетки квадратной формы со срезанными углами есть к церемониальному головному убору (№ 2868-234) — «№ 7. Шапка олеутская мужская», к женской шапочке (№ 2868-233) — «№ 8. Шапка олеутская женская» и к эскимосскому гарпуну с ледовой пешней (№ 2868-201) — «№ 18. Копье олеутское». Эти вещи сгруппированы по тематическому принципу — № 6 (бывший № 3), 7 и 8 — это кожаные головные уборы. Можно предположить, что для деревянной шляпы алеутов № 2868-23 (№ 2) также имелась этикетка. Если головной убор № 3 получил № 6, то по аналогии № 2 должен был получить № 5. Таким образом, головные уборы алеутов были объединены в Кунсткамере под порядковыми номерами 5, 6, 7, 8. Это свидетельствует об объединении этнографических предметов музея и по географическим регионам, и по их назначению, что было вызвано необходимостью представить на экспозиции комплексы предметов.

С.К. Котельников требовал, чтобы собиратели вместе с коллекциями передавали их списки. Если коллекции поступали без сопроводительной документации, то списки предметов составляли сотрудники музея. В частности, в 1774 г. С.К. Котельников дал предписание участникам «физических экспедиций» П.С. Палласу и И.И. Лепехину составить списки привезенных ими коллекций. Эти списки и номерные этикетки для вещей, соответствующие спискам, отпечатали в типографии [Станюкович 1953: 154]. Так же номерные этикетки для отдельных собирательских коллекций печатали и в дальнейшем. Например, ко всем восемнадцати предметам мексиканской коллекции, поступившей в музей в 1783 г., есть типографские этикетки с порядковыми номерами от 1 до 18.

В период с 1771 по 1794 г. четкой системы учета коллекций не было. Для каждой собирательской коллекции составляли список и делали этикетки с порядковыми номерами, начиная с единицы, и одновременно коллекции нескольких собирателей объединяли по географическому принципу. Для них также составляли списки и печатали в типографии этикетки. Например, два предмета из малочисленной коллекции по тлинкитам, поступившей в музей

в 1790 г., имеют типографские этикетки № 89 (№ 2454-29) и № 90 (№ 2454-30). Причем на музейной карточке к кожаному гербу тлинкитов (№ 2454-30) есть вторая типографская этикетка № 163. Это свидетельствует о том, что этот предмет дважды включали в списки общего собрания Кунсткамеры по народам Америки.

С 1783 г. в музее работал **Осип (Иосиф) Петрович Беляев** (1763–1807). Он был сыном священника, образование получил в Славяно-греко-латинской академии в Москве. После выхода указа о пополнении семинаристами Академического университета в марте 1783 г. его перевели в Санкт-Петербург, в ноябре 1783 г. определили переводчиком на службу при Кунсткамере с жалованием 20 руб. в год. 20 декабря 1784 г. президент академии Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810) дала распоряжение прибавить к годовому жалованию О.П. Беляева 50 руб. и назначить его помощником С.С. Бухвостова, чтобы «исправлять по Кунсткамере под смотрением его, все то, что к хранению, к целости и содержанию в добром порядке находящихся в оной вещей надлежит, стараясь тщательно вникнуть в сию часть и прилежностию своею достигнуть до той степени, чтобы со временем мог он, Беляев, заступить место помянутого Бухвостова» [Летопись 2014: 379].

После кончины С.С. Бухвостова, 21 июля 1789 г. О.П. Беляева назначили на должность «помощника надсмотрителя по Библиотеке и Кунсткамере» с годовым окладом в 270 руб. Заместителем С.К. Котельникова в 1795 г. стал адъюнктом по истории Иоганн Фридрих Буссе (1763–1835), с 1797 по 1800 г. он временно исполнял должность библиотекаря. В 1797 г. О.П. Беляев стал «унтер-библиотекарем», должность «помощника надсмотрителя», или «комиссара», занял Иван Алексеев. Таким образом, в 1789–1797 гг. О.П. Беляев являлся «помощником надсмотрителя» Кунсткамеры, в обязанности которого входили составление каталогов коллекций, их хранение и экспонирование. В 1793 г. О.П. Беляев опубликовал каталог-путеводитель «Кабинет Петра Великого», где привел описание мемориальной экспозиции Кунсткамеры, посвященной основателю музея — императору Петру Великому. В 1800 г. вышло второе, расширенное, издание этой книги в трех частях/отделениях. Здесь О.П. Беляев привел краткое «историческое описание всех вообще, как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере сохраняющихся». Во втором отделении он сделал описание этнографических коллекций [Беляев 1800].

Т.В. Станюкович писала об этой работе: «Связное и тщательно составленное описание хранящихся в музее коллекций, наличие многочисленных примечаний, а также имеющиеся в ряде случаев ссылки на использованные источники указывают на то, что описанная работа переросла рамки каталога» [Станюкович 1953: 196].

Также О.П. Беляев провел сверку всех этнографических коллекций музея. Как отмечалось, начиная с 1771 г. для отдельных собирательских коллекций изготавливали номерные этикетки в соответствии с их списками. Поэтому в разных коллекциях были вещи, имевшие типографские номерные этикетки (1, 2, 3, 4, 5 и т.д.). Кроме того, в музее велись два общих списка с разной нумерацией для отдельных вещей, которые также начинались с порядкового номера 1. Чтобы избежать путаницы и многократного повторения одних и тех же номеров, в 1794 г. О.П. Беляев стал делать рукописные этикетки с возрастающей нумерацией от единицы ко всему этнографическому собранию музея. Свои этикетки, как и его предшественники, О.П. Беляев вырезал из игральных карт, на которых он писал не только номер предмета, но и его название. На некоторых этикетках указана фамилия одного из собирателей — И.И. Биллингса. К настоящему времени для американских предметов сохранились этикетки с порядковыми номерами со 2-го по 148-й. Они позволяют составить представление о тех коллекциях, которые О.П. Беляев считал американскими. Предметы с номерными этикетками со 2-го по 24-й и с 117-го по 126-й номер относятся к собранию по ирокезам. Американские вещи из коллекции И.И. Биллингса имели этикетки с номерами с 25-го по 33-й, с 68-го по 71-й и с 131-го по 148-й. Вещи с номерами с 38-го по 63-й относятся к океанийской коллекции Дж. Кука. В своих дневниках Дж. Кук называл жителей Океании индейцами, поэтому О.П. Беляев отнес эту коллекцию к народам Америки. Предметы с 72-го приблизительно по сотый номер отнесены к вещам народов Аляски и Алеутских островов. Этикетки с 100-го по 116-й номера имели вещи индейцев Бразилии, полученные в 1791 г. от португальского лингвиста А. Араужу де Азеведу. Как отмечалось, к некоторым из вышеперечисленных предметов есть и другие этикетки XVIII в.

Нумерация этикеток О.П. Беляева соответствовала размещению отдельных комплексов предметов на музейной экспозиции конца XVIII в. На экспозиции последовательно были представле-

ны одежда и украшения ирокезов; головные уборы и одежда народов Аляски; одежда, украшения и вооружение народов Океании. Далее размещались плетеные изделия, орудия морской охоты и модели байдарок и каяков алеутов и эскимосов. Завершалась «американская» часть экспозиции показом различных видов вооружения и предметов культа ирокезов, индейцев Бразилии и народов Аляски. В целом экспозиция была выдержана по тематическому принципу. В одной части экспозиции были представлены одежда из замши, меха, птичьих шкурок и перьев, а также украшения и головные уборы, в другой части находились различные типы орудий охоты и вооружения. По тому же принципу О.П. Беляев приводит описание американских коллекций в своей книге: сначала он пишет об одежде и украшениях [Беляев 1800: 178–181], а затем — о вооружении и орудиях охоты [Там же: 228–241].

Последним руководителем Кунсткамеры с 1800 по 1827 г. был «надсмотритель» академик Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827). Ответственным за этнографические коллекции в то время являлся И. Алексеев. Его должность в различных документах называется по-разному: «помощник надсмотрителя», «надзиратель», но наиболее часто используется название «комиссар». Последнее упоминание о коллежском советнике И. Алексееве относится к 1835 г., когда общее собрание действительных членов ИАН (Конференция) рассматривало прошение ряда академиков о его награждении за «усердную и ревностную службу» в должности «надзирателя» Кунсткамеры [Летопись 2014: 549].

Собрание по народам Центральной и Южной Америки

Первая коллекция из Мексики поступила в музей в 1783 г. (№ 2015). Она состояла из восемнадцати глиняных фигурок «новейшего типа», то есть керамических изделий XVIII в. О ее происхождении в описи сказано: «Восемнадцать Баррос или Букарос из провинции Гвадалахара королевства Мексиканского». Коллекция состояла из глазурованной раскрашенной посуды и глиняных фигурок черепахи, ящерицы, кита, собаки, двух башмаков и двух скрипок. После поступления в музей для всех предметов этой коллекции в типографии заказали номерные этикетки, которые в настоящее время вклеены на отдельный лист ее описи.

К сожалению, большая часть предметов этой коллекции обгорела во время пожара в 1936 г.

10 апреля 1790 г. в Кунсткамеру поступила небольшая коллекция из нескольких минералов и сосуда с крышкой, сделанного из плода лецитиса (*Lecythis zabucajo*). Ее подарил музею португальский вице-адмирал де Брито. Эту коллекцию он приобрел в Южной Америке, вероятно в Бразилии [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 80. Л. 46].

Очередное собрание по индейцам Бразилии поступило в Кунсткамеру 10 октября 1791 г. Его передал португальский натуралист, историк, математик и дипломат Антониу Араужу де Азеведу (1754–1817). Коллекция состояла из четырех предметов одежды и девяти «разных вещей бразильских». Ее атрибуцией в начале XX в. занимался К.К. Гильзен, который выявил следующие предметы: № 765-12 — колпак темно-коричневого цвета из древесной коры; № 765-16 — ожерелье из перьев желтого цвета; № 765-44 — гамак («Гамак сей выработан из сученой наподобие толстой сапожной верви, травы, и обложен по краям узорчатыми, шириною около четырех вершков блондами, выплетенными наипрекраснейшим образом из волокон древесного корня и убранными разноцветными попугаевыми и других птиц перьями» [Беляев 1800: 234]); № 765-45 — накидка; № 765-46 — «Платье, наподобие сарафана сделанного из древесной коры и расписанное красками» [Там же]; № 765-51 — флейта, на этикетке к которой сделана надпись «115. Флейта — оба конца закрыты» [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 80. Л. 33]; № 765-61 — каменный топор, к которому была этикетка «112. Каменная кирка из Бразилии» (К.К. Гильзен считал, что он относится к изделиям полинезийцев [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 80. Л. 33]); № 765-62 — каменный топор, на рукоятке которого чернилами сделана надпись «Mahado» (к нему была этикетка с надписью: «113. Machado do Jentio» [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 80. Л. 33]).

Еще один предмет из собрания А. Араужу де Азеведу упомянут в книге О.П. Беляева: «Перламутровая раковина, имеющая посредине четверугольную дыру, и сказывают, что таковые раковины бразильские начальники яко знак отличия носят на груди» [Беляев 1800: 234]. О.П. Беляев наряду с перечислением бразильской коллекции XVIII в. приводит интересное описание культуры и обычаев индейцев Бразилии, но без указания отдельных племен.

Возможно, что вместе с коллекцией А. Араужу де Азеведу послал в Кунсткамеру книгу об индейцах Бразилии. В 1791 г. его избрали иностранным членом-корреспондентом ИАН, в 1802–1804 гг. он являлся португальским посланником в России.

В конце XVIII в. продолжали поступать отдельные предметы по индейцам Южной Америки. В 1795 г. в Кунсткамеру поступила «часть кружевного дерева, растущего в одном Вест-Индийском острове, принадлежащем англичанам, из коры которого делается материя, похожая на кружево, при нем находится и самое весьма искусно выработанное кружево» [Там же: 150].

Собрание по ирокезам

Среди ирокезских коллекций музея есть собрание, поступившее в XVIII в. К племенам ирокезской языковой группы относятся гуроны, эри, нейтральные (и др.) и собственно ирокезы, которые около 1570 г. объединились в Лигу ирокезов. В состав Лиги ирокезов входили мохавки, онейда, онандога, каюга и сенека. К началу европейской колонизации они жили в районе Великих озер. Большинство предметов ирокезского собрания Кунсткамеры упомянуто в книге О.П. Беляева. К ряду вещей есть этикетки XVIII в., сделанные в Кунсткамере, и записки с названием предметов на английском языке. Приведем цитату из книги О.П. Беляева с описанием ирокезской коллекции: «Пять шерстяных разноцветных косников (поясов. — С.К.), вынизанных бисером, которые оканчиваются вышитыми веревочками, с металлическими конической фигуры подвесками. Несколько головных ратиновых разного цвета повязок, отороченных по краям ленточками, унизанными бисером. <...> Несколько <...> шерстяных узорчатых кушаков, украшенных белым бисером. Две пары кожаных башмаков с красными кисточками, кои по местам вышиты с нарочитым искусством соломою. Белая с бисерными нитями круглая и выпуклая раковина, которую Ирокойцы, что в Канаде, носят на груди. Круглая, наподобие шаманского бубна, пергаментом обтянутая гремушка, наполненная внутри камушками, которую Ирокойцы употребляют в своих плясках. Пара деревянных странного вида ходуль, переплетенных наподобие решетки жилами, в коих Ирокойцы ходят за зверьми по глубоким снегам» [Беляев 1800: 230].

Эти сведения дополняет музейный документ начала XIX в. «Каталог искусственным вещам и одеждам разных Европейских, Азиатских и Американских народов», где в разделе «Уборы разных американских жителей» перечислены вещи ирокезов: «Четырехугольный плащ из синего сукна, который с одной стороны почти до середины обшит тесьмой красного цвета. Четыре головные ратиновые повязки, у коих один край оторочен шелковыми лентами. Круглый нагрудник, унизанный фиолетовым бисером и цилиндрическими камешками. Белая раковина, употребляемая Ирокойцами, что в Канаде, вместо нагрудника, украшенная бисерными нитями. Пара запястьев (браслетов. — С.К.) бисером низанных. Красная шерстяная, бисером низанная повязка. Две ленты низанные на кожаных ремешках. Две пары кожаных башмаков с красными кисточками и по местам соломою вышитые. Два пояса один из черного, а другой из зеленого бисера с четырьмя медными гремушками» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 9. Л. 6–8].

В начале XX в. во время регистрации североамериканских коллекций К.К. Гильзен вклеил этикетки, которые находились на вещах ирокезов, в карточный каталог. Комплекс вышеуказанных документов позволяет выделить ирокезское собрание Кунсткамеры XVIII в. Его основная часть зарегистрирована в коллекциях № 1900 и 1901, но ряд предметов оказался в других коллекциях. Накидке-одеялу из синего сукна № 1901-2 соответствует описание из «Каталога»: «Четырехугольный плащ из синего сукна, который с одной стороны почти до середины обшит тесьмой красного цвета». К подвязкам, привязанным к ноговицам из зеленого сукна, № 1901-3а, б имеются музейные этикетки: «№ 4. Зеленая повязка» и «№ 5. Зеленая повязка». К подвязкам из синего сукна от ноговиц № 1901-4а, б есть этикетки: «№ 2. Синяя повязка» и «№ 3. Синяя же повязка». К этим двум парам подвязок для ноговиц подходит описание из «Каталога»: «Четыре головные ратиновые повязки, у коих один край оторочен шелковыми лентами». Одна из ноговиц из синего сукна зарегистрирована отдельно под № 1901-5.

К сумке № 1901-6 есть этикетка: «№ 117. Низанная бисером сумка. Ирокезская». Под № 1901-7/1, 2 значатся два манжета для запястьев, которые использовались во время танцев. Поясам № 1901-8, 9 соответствует описание «Каталога»: «Два пояса, один из черного, а другой из зеленого бисера с четырьмя медными гре-

мушками». Также к ним есть этикетка: «№ 24. Два пояса. Америк. Ирокез». В настоящее время в музее зарегистрирован только один пояс из темно-пурпурного вампума с узором в виде ромбов из белого вампума № 1901-10. К нему есть старинная этикетка: «№ 20. Две ленты. Америк. Ирок». Также этот пояс соответствует записи «Каталога»: «Две ленты низанные на кожаных ремешках». Предметы № 1901-6, 7, 8, 9, 10 украшены вампумом — это опиленные кусочки раковин цилиндрической формы. Цветной вампум делали из раковин моллюсков мерценарии (*Mercenaria mercenaria*), белый вампум выпиливали из белой части этих же раковин или из раковин моллюсков литорина (*Litorina*). Бусины вампума имеют 6–7 мм в длину и 3 мм в диаметре, в каждой бусине сделано продольное отверстие. При дневном освещении вампум кажется темно-фиолетовым или даже черным, но при ярком освещении выступает его пурпурный оттенок.

Ожерелье № 1901-11 из восьми ниток белого и темно-пурпурного вампума упомянуто в книге О.П. Беляева как «белая с бисерными нитями круглая и выпуклая раковина, которую Ирокойцы, что в Канаде, носят на груди», а в «Каталоге» — как «белая раковина, употребляемая Ирокойцами, что в Канаде, вместо нагрудника, украшенная бисерными нитями». Раковина в этом ожерелье в настоящее время отсутствует. На портрете художника Гилберта Стюарта 1776 г. изображен вождь ирокезов с нагрудным украшением из белой раковины, на его плечи накинута накидка из синего сукна, украшенная нашивками из лент красного цвета, типа № 1901-2 [On the Trails 2013: 47].

Под № 1901-12 зарегистрирована часть пояса из вампума. К поясам № 1901-13, 14 имеются этикетки: «№ 9. Красный косник» и «№ 10. Красный косник». Им соответствует цитата из книги О.П. Беляева: «Пять шерстяных разноцветных косников, вынизанных бисером, которые оканчиваются вышитыми веревочками, с металлическими конической фигуры подвесками». Пара подвязок для ноговиц № 1901-15а, б имеют этикетку: «№ 19. Подвязки. Америк. Ирокойцев». № 1901-16, 17 — два пояса из шерстяных нитей, украшенные белым бисером. К ним подходит цитата О.П. Беляева: «Несколько <...> шерстяных узорчатых кушаков, украшенных белым бисером». Еще один пояс зарегистрирован под № 1901-18. Таким образом, до наших дней сохранились все пять поясов, упомянутых О.П. Беляевым.

Под № 1901-19 зарегистрирован браслет из кожаных ремешков, обмотанных расщепленными иглами дикобраза. Это одно из двух «запястьев», упомянутых в «Каталоге»: «Пара запястьев, бисером низанных». Другой браслет зарегистрирован под № 4153-2. Две налобные лямки для переноса тяжестей № 1901-20, 21 имеют этикетку: «№ 120. Две пеньковые тесьмы. Северн. Америк.». К поясу № 1901-22 относится этикетка: «№ 13. Зелено-палевый косник». Нагрудное украшение из темно-пурпурного вампума № 1901-23 в форме диска относится к уникальным предметам музея. Известный специалист по этнографии ирокезов У. Фентон, посетивший МАЭ в 1964 г., считал, что это украшение относится к изделиям середины XVII в. В «Каталоге» оно упоминается как «круглый нагрудник, унизанный фиолетовым бисером и цилиндрическими камешками». Последний предмет этой коллекции — кожаная сумка № 1901-24 — имел этикетку: «№ 119. Америк. Северн.».

Другая часть ирокезского собрания зарегистрирована в коллекции № 1900. К нескольким предметам этой коллекции есть этикетки О.П. Беляева. Под № 1900-1 и 620-12 зарегистрирована пара мокасин, которые упомянуты у О.П. Беляева: «Две пары кожаных башмаков с красными кисточками, кои по местам вышиты с нарочитым искусством соломою», и в «Каталоге»: «Две пары кожаных башмаков с красными кисточками и по местам соломою вышитые». К курительной трубке № 1900-2 есть этикетка с порядковым номером 126, к сумке № 1900-3 — с порядковым номером 118, еще одна сумка зарегистрирована под № 1900-4. К украшению для волос № 1900-6 имеется этикетка с порядковым номером 15. Часть от другого украшения для головы зарегистрирована под № 1900-7.

Если коллекции № 1900 и 1901 полностью состоят из вещей ирокезов, то другие вещи ирокезов оказались зарегистрированными в сборных коллекциях по народам Аляски. Это лыжи-ракетки ступательного типа № 3235-4/1–2, к которым есть старинная этикетка «№ 121. Пара деревянных ходуль. Северн. Америк.». Описание этих лыж приведено у О.П. Беляева: «Пара деревянных странного вида ходуль, переплетенных наподобие решетки жилами, в коих Ирокойцы ходят за зверьми по глубоким снегам». Также в этой коллекции зарегистрированы бубен № 3235-1 и колотушка к нему № 3235-2. К бубну подходит описание: «Круглая, наподобие

шаманского бубна, пергаментом обтянутая гремушка, наполненная внутри камушками, которую Ирокойцы употребляют в своих плясках». Пятнадцать стрел с металлическими наконечниками и колчан зарегистрированы в коллекции № 2913 под порядковыми номерами с 17 по 41.

В музейной документации XIX в. ирокезское собрание упоминалось как коллекция индейцев Канады или Северной Америки. Ее происхождение выяснить не удалось, также нет сведений о том, среди какого ирокезского племени она была собрана. О.П. Беляев упоминает «ирокойцев» Канады, если эта географическая привязка верна, то, возможно, речь идет о гуронах, однако к ряду предметов есть пояснительные записки на английском языке. Это косвенно свидетельствует о том, что указанные вещи могли быть приобретены на территории английских колоний в Северной Америке либо на территории США, если эта коллекция была собрана после 1776 г.

Собрание участников Второй Камчатской экспедиции

Первые коллекции по народам Русской Америки поступили в Кунсткамеру после открытия в 1741 г. Алеутских островов и Аляски участниками Второй Камчатской экспедиции. Экспедиция совершалась на двух судах: «Св. Петром» командовал Витус Йонассен Беринг (1681–1741), «Св. Павлом» — Алексей Иванович Чириков (1703–1748). Вскоре после выхода в море суда разошлись и в дальнейшем совершали плавание отдельно.

В составе экспедиции находился адъютант Императорской Академии наук Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746), в его обязанности, в частности, входил сбор различных естественно-научных коллекций для Кунсткамеры. В июле 1741 г. «Св. Петр» достиг острова Каяк у побережья Аляски. Хотя встречи с местными жителями не произошло, Г.В. Стеллер обнаружил место их стоянки и лабаз для хранения пищи, а штурман Софрон Федорович Хитрово (?–1759) посетил жилище аборигенов на соседнем с Каяком островке Уингем. Г.В. Стеллер собрал несколько корзин и связок «веревочек» из морских водорослей, здесь говорится о маутах (линях), которые привязывали к гарпунам для охоты на морских животных. Также Г.В. Стеллер обнаружил «несколько стрел, которые

по размерам далеко превосходили камчатские и приближались к стрелам тунгусов и татар; они были окрашены в черный цвет и очень гладко выскоблены, так что можно было подумать, что у этих людей есть железные орудия и ножи» [Стеллер 1995: 44], «огниво деревянное, по камчатскому обыкновению сделанное» [Стеллер 1984: 272].

С.Ф. Хитрово доставил на судно «ящикек, сделанной из тополевого леса» [Там же], — это «деревянный сосуд, похожий на те, что в России изготовляют из липовой коры и используют вместо коробов» [Стеллер 1995: 46]. «Пустотелый шарик из обожженной глины, два дюйма в диаметре, заключающий в себе камень, гремящий при встряхивании, который я счел игрушкой для малых детей». «Камень, который, вероятно, за отсутствием лучшего, служил точилом и на котором были видны полосы меди» [Там же: 47]. «Другой камень круглой с скважиной» [Хитрово 1941: 347] и лопасть весла [Стеллер 1995: 47]. В судовом журнале вместо лопасти весла упоминается деревянная лопата, вероятно, здесь речь идет об одном и том же предмете [Из вахтенного 1984: 237]. Все вышеперечисленные вещи принадлежали эскимосам чугачам. Г.А. Сарычев писал о встрече с чугачами в 1790 г.: «Мне пришло на мысль спросить их о командоре Беринге, не помнят ли его судна, которое самое первое должны они были видеть у сих берегов. <...> Один из американцев сказал мне, что он слышал от своего отца о сем судне и что оно приходило не к Цукли, но к острову Каяк, который от здешнего места лежит к востоку, на полтора дня езды, где американцы в летнее время обыкновенно промышляют бобров. Люди с сего судна сходили на берег и оставили в их шалашах некоторое число ножей и корольков» [Сарычев 1952: 158].

Собранную коллекцию Г.В. Стеллер оставил у себя, а С.Ф. Хитрово все, что привез, передал В.Й. Берингу. В ходе дальнейшего плавания экипаж «Св. Петра» сделал остановку вблизи одного из Шумагинских островов, вероятно острова Нагай. Здесь 4 сентября 1741 г.¹ произошла первая встреча русских с алеутами, от которых было получено два гарпуна. В вахтенном журнале «Св. Петра»

---

¹ По судовому журналу пакетбота «Св. Петр» и дневнику С. Вакселя встречи с алеутами произошли 5 и 6 сентября, по рапорту С. Вакселя, дневнику и рапорту Г.В. Стеллера — 4 и 5 сентября. В судовом журнале отчет суток велся с 12 часов пополудни.

о приобретении алеутских вещей сказано: «Он (алеут. — С.К.) <...> бросил на пакетбот 2 выструганные палки, к одной привязано с конца перья, оные перья признавали соколиными, а к другой — птичья нога» [Из вахтенного 1984: 244].

Тот факт, что переданные алеутами «выструганные палки» были гарпунами для охоты на морских животных, подтверждается записью в дневнике Г.В. Стеллера. Выезжая в море, алеуты закрепляли гарпуны на наружной поверхности байдарки, подсовывая их под специальные крепежные ремни, расположенные с двух сторон от люка байдарки. Г.В. Стеллер отметил, что у алеутских байдарок на корме были закреплены окрашенные в красный цвет «палки», то есть гарпуны, «все они изготовлены точно так же, как и та, что мы от них получили» [Стеллер 1995: 73]. О первой встрече с алеутами, состоявшейся 4 сентября, Г.В. Стеллер писал: «Тем не менее один из них (алеутов. — С.К.) подплыл совсем близко к нам. Однако, прежде чем совсем приблизиться, он полез за пазуху, достал немного земли цвета железа или свинца и изобразил ею на щеках от носа две груши, а ноздри набил травой; крылья его носа с обеих сторон были пронзены тонкими кусочками кости. Потом он взял еловую палку, лежащую позади него поверх кожаной лодки, разрисованную красным, в три аршина длиной наподобие бильярдного кия. На нее он насадил два соколиных крыла, крепко привязав их китовым усом, показал нам, а затем, смеясь, бросил в воду в направлении нашего судна. <...> Привязал к другой палке целого сокола и передал его нашему переводчику-коряку» [Стеллер 1995: 70].

Здесь говорится о магических действиях, направленных на защиту от чужеземцев. И.Е. Вениаминов отмечал, что при первых встречах алеуты принимали русских за сверхъестественных существ, то есть за духов [Вениаминов 1840, III: 18]. Передача алеутами гарпунов, к одному из которых были прикреплены крылья сокола, а к другому чучело сокола, являлась обрядом жертвоприношения. О подношении духам жертв в виде перьев и отдельных частей тел птиц, И.Е. Вениаминов писал: «Вторая жертва состояла из перьев урильего хвоста и пестрых перьев сыча. <...> Самый обряд жертвоприношения состоял в том, что приносящий, взяв известные перья и каждое из них обмакивая в какой-нибудь краске (но более зеленой или красной) кидал их порознь на все четыре стороны, и при каждом разе, когда надобно было кинуть перо, он

именно высказывал свою просьбу к невидимым духам...» [Вениаминов 1840, II: 122–123].

К.Г. Мерк, участник экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева 1785–1794 гг., отметил особую роль сокола в поверьях алеутов: «Тот, у кого такие перья (сокола. — С.К.) прикреплены снаружи каяка, значительно счастливее в охоте на каланов. Однако только редко кто имеет такие перья, потому что, согласно их обычаям, они боятся убивать сокола. Они утверждают даже, что каланы не только не боятся таких украшенных перьями каяков, но даже очень близко к ним приближаются» [Мерк 1978: 82].

На следующий день 5 сентября 1741 г. произошла еще одна встреча экипажа «Св. Петра» с алеутами: «...К нам подошли семь байдарок, которые остановились совсем близко у нашего корабля; в каждой из них сидело по одному человеку. Двое из них подошли к самому кораблю и пришвартовались к нашему фалрепу. Они привезли нам в подарок две шапки, палку длиной приблизительно в пять футов, на тонком конце которой были укреплены перья птиц разных пород и небольшое резаное из кости изображение человека. Как мы полагали, оно являлось идолом, которому они поклонялись» [Ваксель 1940: 67]. Г.В. Стеллер писал: «Примерно через полчаса мы вновь увидели девять американцев в лодках, которые гребли друг за другом к кораблю с теми же криками и церемониями, что и в первый раз. Но лишь двое приблизились к нашему кораблю; снова они передали нам подарки — палки с соколиными перьями и краску для лица железного цвета. На головах у этих людей были шляпы, изготовленные из древесной коры и украшенные красными и зелеными пятнами, напоминающие по форме козырьки для глаз, которые обычно надевают на голову: макушка оставалась непокрытой, и шляпы, казалось, были предназначены лишь для того, чтобы защищать глаза от солнца. <...> У некоторых были воткнуты пестрые соколиные перья (на шляпах. — С.К.), а у других — тростинки (усы сивуча. — С.К.). <...> И здесь снова я нашел четкое указание, что американцы происходят из Азии, поскольку камчадалы и коряки носят такие же шляпы; я приобрел несколько таких для Кунсткамеры.

Когда по нашим многочисленным знакам эти американцы поняли, что мы хотели бы получить одну из этих шляп, они дали нам даже две. На одной было прикреплено маленькое резное изображение сидячего идола из кости, у которого сзади было

воткнуто перо, что без сомнения, должно было обозначать хвост» [Стеллер 1995: 76].

Экипаж «Св. Павла» также встречался с алеутами во время стоянки у острова Адак. Судя по описанию А.И. Чирикова, алеуты уже встречались с экипажами каких-то судов. Они не подплывали близко к судну, так как опасались, что по ним будут стрелять из луков; за питьевую воду требовали громадную плату, понимая, что экипаж судна давно находится в плавании и имеет недостаток в пресной воде; знали употребление металла. В судовом журнале «Св. Павла» записано: «Токмо они скоро к судну подъехать не смели и руками разводили наподобие, как лук растягивают, из чего мы догадались, что они опасаются дабы от нас по ним не было стреляно и того ради мы им <...> как возможно давали знать, что от нас никакой противности показано не будет. <...>

Притом увидели мы, что из них некоторые, принеся одну руку ко рту, <...> вдруг ото рта руку отрывали, тогда мы узнали, что они спрашивают у нас (металлических. — С.К.) ножей, понеже камчадалы и прочие здешние народы, как едят мясо или иное что, то ножами у рта отрезают, и я велел им один нож дать из подарочных вещей, которое они увидели и очень обрадовались и друг у друга перехватывали и стали от нас ножей с великим прилежанием требовать» (цит. по [Лебедев 1951: 308–311]).

От алеутов русские получили четыре гарпуна и одну шляпку-козырек [Чириков 1984: 228]. В.А. Дивин, без указания источника, отметил, что древко одного из этих гарпунов было сделано из кипариса [Дивин 1953: 174]. О головных уборах алеутов в судовом журнале «Св. Павла» записано: «На головах они у себя имеют вместо шляп сделанные из березовых тонких досок желупки, которые разными красками [писаны] и перьями натканы, а у некоторых наверху привязаны костяные штатурки, какой желубок для объвления получили мы от них...» (цит. по: [Лебедев 1951: 313]).

Все вышеперечисленные предметы вошли в три коллекции: А.И. Чирикова, В.Й. Беринга и Г.В. Стеллера. К последней коллекции можно добавить сломанный деревянный капкан с зубцами из раковин денталиум, который Г.В. Стеллер нашел на берегу острова Беринга. Он отмечал, что раковин денталиум на Камчатке нет, поэтому Г.В. Стеллер считал, что этот капкан был сделан жителями Америки и принесен к острову морским течением [Стеллер 1995: 102]. Коллекция В.Й. Беринга была утрачена во время зимов-

ки экипажа «Св. Петра» на острове, который впоследствии был назван в его честь. Лейтенант Свен Лаврентьевич Ваксель (1701–1762), возглавивший экспедицию после смерти В.И. Беринга, в качестве подтверждения встречи с алеутами отправил в Государственную Адмиралтейств-коллегию только костяную фигурку, которая была прикреплена к одной из шляп, — «костяной статуей наподобие вида человеческого» [Ваксель 1940а: 143]. В 1981 г. во время археологических раскопок на острове Беринга были найдены остатки лукошка из древесной коры, которое, по мнению археологов, было приобретено С.Ф. Хитрово на острове Уингем [Леньков и др. 1988: 72], а также несколько точильных камней. Возможно, что они также относятся к сборам С.Ф. Хитрово [Там же: 53, 64].

Коллекцию А.И. Чирикова (четыре гарпуна и шляпу-козырек) доставили в Санкт-Петербург. Первый рапорт о плавании к берегам Америки А.И. Чириков отправил в декабре 1741 г. с матросом С. Сплавшиковым. Этот рапорт был доставлен 29 октября 1742 г. и 1 ноября доложен императрице Елизавете (1709–1761). А.И. Чириков полагал, что С. Сплавшиков может погибнуть в пути, поэтому 15 мая 1742 г. он отправил еще один рапорт с гардемарином Андреяном Моисеевичем Юрловым (?–1791), «с которым и полученные нами вещи от жителей <...> для представления в Государственную Адмиралтейств-коллегию от меня посланы будут» [Чириков 1984: 231].

Что касается коллекции Г.В. Стеллера, то после возвращения из плавания он оставался на Камчатке до августа 1744 г., затем отправился в Санкт-Петербург. В пути Г.В. Стеллер продолжал вести научные наблюдения, в 1746 г. он провел несколько месяцев в Соликамске у фабриканта Григория Акинфиевича Демидова (1715–1761). В августе 1746 г. Г.В. Стеллер был арестован по ложному доносу и вынужден был вернуться в Иркутск. После ареста он передал часть своих документов для доставки в Санкт-Петербург Иоганну Эбергарду Фишеру (1697–1771), а рисунки и бóльшую часть коллекций — художнику экспедиции Иоганну Христиану Беркгану (1709–1751). 30 сентября 1746 г. И.Х. Беркган прибыл в Москву, в Сибирский приказ. Здесь он хотел дожидаться возвращения Г.В. Стеллера, но вскоре было получено известие о его смерти в Тюмени 12 ноября 1746 г. Тогда в Сибирском приказе приняли решение немедленно отправить багаж Г.В. Стеллера

в Санкт-Петербург в сопровождении И.Х. Беркгана, «дабы тем вещам не учинилось какого повреждения или траты» [Черкашина 1998: 9]. 1 июня 1747 г. рисунки и коллекции Г.В. Стеллера доставили в Кунсткамеру.

В современной музейной документации вещи, полученные от участников Второй Камчатской экспедиции, не значатся. Вероятно, они сгорели во время пожара здания Кунсткамеры 5 декабря 1747 г. Исследователи неоднократно пытались выявить эти предметы. Л.С. Блэк предположила, что шляпа-козырек № 2868-23 была получена участниками экипажа «Св. Петра» у алеутов Шумагинских островов [Black 1991: 41]. Как отмечалось, эта коллекция была утрачена, поэтому данная шляпа происходит из более поздних сборов.

Собрание участников торгово-промысловых экспедиций

Во второй половине XVIII в. было организовано более семидесяти торгово-промысловых экспедиций по исследованию и освоению Алеутских островов и Аляски. Некоторые участники этих экспедиций по распоряжению сибирских властей занимались сбором различных «редкостей». Прежде всего собрания «редкостей» доставляли правителю Камчатки, затем их отправляли сибирскому генерал-губернатору и только потом по его распоряжению — в Санкт-Петербург как подарки для Екатерины II. Впоследствии бóльшую часть «редкостей» с Алеутских островов и Аляски передали из Императорского Эрмитажа в Кунсткамеру. В настоящее время в музее на хранении находятся несколько десятков предметов алеутов и эскимосов о. Кадьяк (кадьякцев) XVIII в. Приведем сведения о сборе коллекций участниками торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова и Аляску. Первая коллекция с «вновь открытых островов» поступила в Кунсткамеру уже в 1748 г. Она состояла из нескольких засушенных рыб, чучела утки и образцов минералов, собранных на острове Медном сержантом Охотского порта Емельяном Софроновичем Басовым (1705—1765) [Станюкович 1953: 122—123].

18 мая 1753 г. из Сибирского приказа от Е.С. Басова поступило «копье моржовой кости троюгранное, привязано китовым усом и ремнем морской коровы на деревянном ратовье (древке. — С.К.),

и на другом конце того копья у ратовья кость моржовая круглая» [Летопись 2014: 234]. Это не алеутский гарпун, он является изделием эскимосов. Этот гарпун зарегистрирован под № 2868-201. К нему есть две этикетки XVIII в., на одной из которых написано: «№ 18. Копье олеутское», а на другой — «№ 80. Копье трехгранное из кости. Алеутское».

В 1756–1758 гг. состоялось плавание на Андреяновские острова экипажа судна «Св. Петр и Павел» под командованием морехода Петра Башмакова. Передовщиком — руководителем промысла на судне — был Петр Всевидов, сборщиком ясака — казак Максим Лазарев. В рапорте о деятельности участников этой экспедиции сказано: «...Всевидовым с товарищи вывезено для рассмотрения тех народов по их названию байдарка малолетних ребят, да при том же оных народов стрелы, которыми бросают с руки дощечкой, и во время мореплавания в байдарках носят они на головах, а какого дерева — неизвестно, одна шапка, которые при том репорте в приказную избу <...> объявили, кои при особливом репорте в Большерецкую канцелярию декабря 7 дня 758 году присланы» [Из рапорта 1989: 51–52].

В 1759 г. эту коллекцию доставили в Тобольск сибирскому генерал-губернатору, тайному советнику Федору Ивановичу Соймонову (1692–1780), который вместе с рапортом отправил вещи алеутов в столицу. После рассмотрения рапорта Ф.И. Соймонова вышел указ Сената, в котором сказано: «Максимом Лазаревым взятых добровольно на тех островах у народов (с которыми они торг имели) байдарка малолетних ребят — одна, четыре стрелы деревянные, две стрелы костяные и одна дощечка деревянная, из которой теми стрелами бросают рукою, одно ратовье копейное (древко копья. — С.К.) деревянное ж, одни ножны деревянные ж (а что в них кладут, неизвестно), одна шапка деревянная, выкрашена и кругом истыкана перьями и усами сивучевыми и вырезаны по кости личинки. <...> А показанные присланные от него, тайного советника, найденные на морских островах вещи отослать при указе в канцелярию Академии наук» [Указ Сената 1989: 58]. В Кунсткамеру эта коллекция поступила 3 сентября 1761 г. [Летопись 2014: 268].

В 1759–1762 гг. состоялось плавание на Ближние острова (Атту, Агату, Семичи) бота «Св. Захарий и Елизавета» под командованием морехода Степана Яковлевича Черепанова. Одним из владельцев судна был вологодский купец Семен Афанасьевич

Кульков. В состав экипажа входил его брат Федор Афанасьевич Кульков. Зиму 1759—1760 гг. участники плавания провели на о. Беринга, 26 июня 1760 г. достигли о. Атту. В районе Ближних островов они занимались промыслом в течение двух лет. В то время алеутов на островах было немногим больше ста человек. Известны имена их вождей: на о. Атту главами домохозяйств были Макужан и Чинтаячь, на о. Агату — Калистах, на о. Семичи — Алент [Лисенков 1979: 345]. В 1764 г. Ф.А. Кульков находился в Санкт-Петербурге, здесь с его слов составили «Известия, собранные из разговоров вологодского купца Федора Афанасьевича Кулькова о так называемых Олеуцких островах в Санкт-Петербурге 1764 году» [Ляпунова 1979: 98]. В «Известиях» сказано: «В платье как мужчины, так и женщины разности почти никакой не имеют, зимою и летом носят тоже, какое я сообщил в здешнюю Императорскую Кунсткамеру» [Там же: 104]. Слово «сообщать» наряду с другими значениями в XVIII в. означало «передать». Таким образом, в этой цитате говорится о передаче алеутской коллекции в Кунсткамеру, которая состоялась 12 февраля 1764 г. [Летопись 2014: 287]. В «Известиях» Ф.А. Кулькова в отношении алеутов используется этноним «олеут»: «Сами себя на своем языке называют Олеут» [Ляпунова 1979: 104]. Ближние острова в его «Известиях» называются «Олеуцкими» или «Олеутскими», также в рапорте С.Я. Черепанова в отношении острова Атту встречается название «Оттаку» [Черепанов 1948: 115—118].

Этноним «олеут» попал и в музейную документацию Кунсткамеры. Как отмечалось, это слово написано на двух самых ранних типах музейных этикеток, относящихся к церемониальным мужским головным уборам № 2868-232, 234 и женской шапочке № 2868-233. Это косвенно свидетельствует о том, что вышеупомянутые этикетки были сделаны со слов Ф.А. Кулькова или на основе его «Известий». Головному убору № 2868-234 соответствует описание О.П. Беляева: «Мужчины носят также и кегелю подобные кожаные шапки, вышитые слишком на пядь, которых края и два супротивных шва вычурами, а сии и оторочки их волосаюною бахромою, шириною в ладонь, верхушка же шнурками и прицепленными к ним улитками (топорковыми клювами. — С.К.) украшены» [Беляев 1800: 179—180].

О женском головном уборе № 2868-233 у О.П. Беляева сказано: «Женщины шьют себе шапки из кожи рыбьих шкур или из раз-

народных звериных кишок. У шапок сих края прямые, шириною в ладонь, при том они повсюду вышиною равны и имеют плоскую и мелкую тулью. Края и тулью украшают весьма пригожим шитьем, которое выводят жилами, волосами, а иногда и бисером, если могут оной достать, тулью же обводят по краям волосяною бахромою длиною в палец» [Там же: 180].

Также к старинному предмету алеутской коллекции Кунсткамеры относится деревянная шляпа-козырек (№ 2868-23), на которой есть надпись: «№ 2». О шляпах-козырьках алеутов О.П. Беляев писал: «Летом они ничем головы не покрывают или носят летние шляпы, из дерева вырезанные, кои похожи с виду на утиный нос и которых узкий и передний конец выдался надо лбом вперед фута на полтора, как навесная крышка. Они красят такие шляпы земляными красками своих островов и огораживают их по краям перьями, а сверху и около расставляют пучки, сделанные из крепких, длиною в пядь и больше, сивучьих <...> усов, да сверх того украшают пригожими пронизками и перяными пучками. <...> Над самую же голову они полы; и на таком верхнем краю укрепляют они по большей части маленького, длиною в дюйм, идола костяного, в человеческом подобие сидящего» [Там же: 179].

В 1758–1762 гг. состоялась экспедиция на судне «Св. Иулиан» под командованием морехода Степана Гавриловича Глотова (1729–1769), сборщиком ясака на этом судне был казак Савин Пономарев. В ходе экспедиции были открыты острова Умнак и Уналашка. В рапорте о посещении острова Умнак С.Т. Пономарев писал, что алеуты «дали добровольно в аманаты первого острова тоена Шашука племянника малолетнего, парня именем Мушкаля, которого мы назвали Иваном, возрастом, например, около 12 или 13 лет. <...> А при нем вывезено их тамошнего манира одна парка, из птичьих кож шитья, и их одна ж шапка» [Пономарев 1989: 63].

На Умнаке и Уналашке, в отличие от Ближних островов, водились чернобурые лисицы. В Охотске при разделе промысла шкуры чернобурых лисиц решили отправить в столицу как подарок для императрицы. Меха были доставлены в Санкт-Петербург в 1764 г. Подарок Екатерине II понравился, и она повелела доставить в Санкт-Петербург кого-либо из владельцев компании, которой принадлежало судно «Св. Иулиан». Когда приказ императрицы поступил в Охотск, то в городе оказался только купец из

Великого Устюга Василий Иванович Шилов. В Санкт-Петербург он прибыл в 1767 г.: «Шилов, прибыв в С.-Петербург, имел счастье быть представленным Великой Монархине. Государыня расспрашивала его подробно обо всех местных обстоятельствах, новых открытиях, образе их промышленности и была весьма довольна ответами благоразумного Шилова» [Берх 1823: 69]. Во время беседы с В.И. Шиловым Екатерина II выразила желание лично увидеть хотя бы одного алеута. Об аудиенции у императрицы в 1770 г. алеута О.А. Кузнецова расскажем в дальнейшем.

В 1760–1764 гг. состоялась экспедиция под командованием Андреяна Толстых (?–1766) на судне «Св. Андреян и Наталья». Участники этой экспедиции в течение трех лет исследовали Андреяновские острова Алеутской гряды. Переводчиком у А. Толстых был алеут с о. Атту Ишака Киникин, которому дали имя Никита. В рапорте А. Толстых сообщает, что алеуты острова Адак преподнесли в дар «одну малую и малых ребят оболоченную (обтянутую. — С.К.) кожей байдарку, на которых они в море выезжают, с двумя малыми выкрашенными деревянными веселками, и деревянный их гребень, и поводок с костяными удами к отсылке в Большерецкую канцелярию объявляются» [Толстых 1989: 96]. Отчет А. Толстых и его коллекция были доставлены в Тобольск сибирскому генерал-губернатору Денису Ивановичу Чичерину (1720–1785). Карту Андреяновских островов и какие-то алеутские вещи Д.И. Чичерин отправил в Санкт-Петербург как подарки Екатерине II. Известно, что среди них были «три плетеных из травы мешка, нитки из рыбьих жил, костяные удочки» и «три дощечки из дерева, которые к тем островам море приносит, две подобные кипарису, а третья совершенно красное дерево» [Берг 1946: 291–292]. Эта коллекция поступила в Кунсткамеру весной 1766 г. [Летопись 2014: 293–294].

Очередная алеутская коллекция поступила в музей 2 марта 1767 г. [Там же: 302]. Ее доставил из Охотска штурман А.М. Юрлов, участвовавший в 1741 г. в плавании к берегам Северо-Западной Америки на пакетботе «Св. Павел» под командованием А.И. Чирикова. Как упоминалось, в 1742 г. он доставил в Санкт-Петербург рапорт А.И. Чирикова и этнографическую коллекцию. В состав коллекции, переданной А.М. Юрловым в 1767 г., входили: «Парка из кож птичьих, кои там живут на камнях, выкрашена и с нашивными по их манеру кистями и ремешками»; «шапка деревянная,

выкрашена и наставлена зверей морскими усами»; «костяная небольшая статуя по их манеру (слово не читается. — С.К.) и их пропись, которую употребляли на голове женщины»; «сумка травяная»; «ложка костяная с резьбой»; «венец с прикраскою» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Р. 469. Л. 20 об. — 22 об.].

О том, кто был собирателем этой коллекции, сведений не сохранилось. В настоящее время в музее находятся на хранении три костяные ложки алеутов № 2937-17, № 4104-54, 55. Коллекция № 4104 поступила в МАЭ в 1930 г. из Военно-морского музея, поэтому к старинным поступлениям Кунсткамеры может относиться только ложка № 2937-17. Возможно, она относится к коллекции А.М. Юрлова. «Венцом с прикраскою», то есть церемониальным головным убором с вышивкой, может быть орнаментированная головная повязка из полоски кожи, украшенная вышитым узором, № 2868-92.

В 1762–1766 гг. состоялась очередная экспедиция под руководством С.Г. Глотова на судне, которое также называлось «Св. Андреян и Наталья». Участниками этой экспедиции был открыт остров Кадьяк. У местных жителей С.Г. Гловтов приобрел «...два ковра, один новый, другой — старой, одним маниром зделанные, точно не против российского дела: с одной стороны во весь ковер положен бобровый мех, которыя, всеми меры я тщась, на корольки у них купил. А точию оныя сами ли делали или чрез кого откуд получили, того чрез толмачей расспросить у них не мог. <...> На головах шапки разные (носят. — С.К.), по их обычаю сделанные разными манирами, из разных вещей. И из тех получа от них на корольки для усмотрения здесь до пяти разных шапок, вывезены, кои и объявляю» [Гловтов 1989: 107–108]. Здесь речь идет о накидках, украшенных мехом калана. Один из вышеупомянутых «ковров» и другие вещи были отправлены в подарок Екатерине II.

В 1764–1766 гг. состоялось плавание судна «Св. Петр и Павел» под командованием морехода Ивана Максимовича Соловьева на остров Уналашка. По возвращении из плавания И.М. Соловьев в рапорте к командиру острогами на Камчатке Тимофею Ивановичу Шмалеву (1736–1789) писал: «А при том нашли в юрте стрел, кои бросают с досок, сот да трех да луков до десяти, при коих и стрел тоже было немалое число; и как луки, так и стрелы большие и малые я велел переломать, а для оказания взял тут один лук и семнадцать стрел, кои при сем и объявляю» [Соловьев 1948: 154].

«При сем же вывезенного мною от тамошних народов для оказии объявляю вашему благородию мастерства жителей того острова: два ножа железных; а куют они таким манером: взяв железо, положи на камень, а сверху бьют другим камнем же, куют холодное, на огне не нагревают, а вместо того весьма часть мочат морским рассолом или водою; одну парку птичью, две шапки, один пояс, в каких по их обычаю пляшут...» [Там же: 169].

Коллекции С.Г. Глотова и И.М. Соловьева поступили из Императорского Эрмитажа в Кунсткамеру 17 апреля 1768 г. Среди переданных предметов были:

«1) шуба из брюховых кож с перьями диких уток, украшенная по их обыкновению вырезанными тонко из кожи ремешками, и выстрочена по швам разной шерстью;

2) одеяло, вытканное из бобрового пуху и неизвестной шерсти;

3) три шапки мужские, украшенные по их обыкновению разных зверей волосами и при том выстрочены в узор разной шерстью, из которых у одной наверху челюсть с зубами неизвестного зверя;

4) да три женские таким же манером убраны, как и мужские;

5) пояс из тюленьей кожи с привешенными к нему ремешками и выстрочены разной шерстью;

6) лук с кожаным началищем;

7) колчан с пятнадцатью складными стрелами и вместо железных из кремней сделанными наконечниками;

8) две сабли с деревянными череньями (рукоятками. — С.К.), из которых одна длиною десять вершков кроме черена, шириною в три четверти вершка, другая длиною в пол-аршина кроме черена, шириною в... вершков <...>» [Летопись 2014: 307–308].

В настоящее время в собрании МАЭ к сборам И.М. Соловьева могут относиться алеутский пояс № 2868-235 и металлический нож № 2454-3. Пояс передали в Кунсткамеру в 1828 г. из Музея Государственного Адмиралтейского департамента (МГАД). Г.В. Стеллер писал о металлических ножах алеутов: «У двоих в ножнах на поясе на манер русских крестьян были подвешены длинные железные ножи примитивной работы, которые могут быть собственного, а никак не европейского производства. <...> Когда один из американцев вынул его из ножен и разрезал им пузырь пополам, я увидел, что нож железный, а также что он не напоминает никакую европейскую работу» [Стеллер 1995: 74].

Алеутский металлический нож № 2454-3 однослойный, грубой холоднойковки, с деревянной, грубо обточенной рукоятью. При изготовлении его рукояти не использовали металлические инструменты. По своей форме этот нож напоминает короткий японский меч. Известно, что японские джонки, увлекаемые течением Куро-Сио, неоднократно прибывало к Алеутским островам. Алеуты заимствовали из японского языка слова «медь» и «металл» [Кондратенко, Прокофьев 1989: 32]. Алеутский металлический нож изображен на рисунке участника Второй Камчатской экспедиции Фридриха Христиановича Плениснера (?–1778) [Крашенинников 1994, 1: 178]. Нет точных сведений о том, что нож № 2454-3 относится к сборам И.М. Соловьева, однако его уникальность состоит в том, что это единственный в мире алеутский металлический нож XVIII в., сохранившийся до наших дней. Как упоминалось, И.М. Соловьев передал свою коллекцию Т.И. Шмалеву. Необходимо отметить, что Т.И. Шмалев был корреспондентом академика Герарда Фридриха (Федора Ивановича) Миллера (1705–1783), автора известного труда «История Сибири».

Как упоминалось, во время исследования Андреяновских островов в 1761–1764 гг. в качестве переводчика у А. Толстых был алеут с острова Атту Никита (Ишака Киникин, Ишаноюк Икитин). В 1765–1768 гг. Никита служил переводчиком на судне «Св. Иоанн Устюжский», экипаж которого в 1766–1768 гг. вел промысел на Умнаке и Уналашке. На обратном пути из-за шторма судно не смогло подойти к о. Атту, и алеута Никиту доставили на Камчатку. Здесь он провел зиму 1768–1769 гг., переболел оспой и при крещении получил имя Осип Арсеньевич Кузнецов, его крестным отцом был А.Д. Кузнецов. К этому времени было получено распоряжение о желании Екатерины II увидеть кого-либо из алеутов. Весной 1770 г. О.А. Кузнецов в сопровождении поручика Т.И. Шмалева выехал в Санкт-Петербург, где они были приняты императрицей. За успешно выполненное поручение Т.И. Шмалева 13 июля 1770 г. произвели в капитаны, а алеута наградили золотой медалью и в качестве царского подарка ему вручили кафтан из материи красного цвета. Из столицы Т.И. Шмалев и О.А. Кузнецов отправились в Москву к академику Г.Ф. Миллеру, который записал несколько сотен алеутских слов, надиктованных О.А. Кузнецовым. На обратном пути О.А. Кузнецов заболел и умер, не доехав до Тобольска [Алексеев 1958: 40–42].

В 1766–1770 гг. состоялось плавание бота «Св. Апостол Павел», снаряженное на средства купцов В.И. Шилова, И.С. Лапина и А. Орехова, во главе с мореходом, штурманским учеником Афанасием Очерединым. Экипаж судна в течение четырех лет вел промысел на островах Умнак и Уналашка. По завершении экспедиции А. Очередин представил гражданскому губернатору Иркутска Адаму Ивановичу Брилю карту Алеутских островов. В 1771 г. от А.И. Бриля в Кунсткамеру поступила алеутская коллекция, собранная участниками этого плавания. В ее состав входили: «Лук один, стрел больших, действующих с досок — три; малых, коими действие происходит же из луков — пять; шапка алеутская — одна; две ветви анианового дерева неизвестного» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 33]. Эта коллекция поступила в Кунсткамеру 30 октября 1771 г. [Летопись 2014: 326].

В октябре 1771 г. в Санкт-Петербург возвратился капитан Михаил Дмитриевич Левашов (1738–1775), один из руководителей правительственной «Секретной экспедиции». В 1768–1769 гг. ее участники проводили исследования на островах Уналашка, Унимак и полуострове Аляска. В экстракте из журналов руководителей экспедиции сообщается о посещении алеутских жилищ на полуострове Аляска: «25 приехали к мысу, где увидели стоящие на берегу две юрты, только во оных ни одного человека не нашли, а нашли 10 вязанок юколы, разных манеров сделанных, из вынутого из промышленных разбитых судов железа 8 ножей, лук и стрелы с костяными и каменными наконечниками, сетку, плетеную из жил, для рыбной ловли, и костяные три палочки, которые во время шитья женщины втыкают в землю и с тем шитье вместо придерживания крепят. <...> И проехав 12 верст южнее 16-го аляскинского мыса, при берегу увидели две алеутские юрты, к которым пристали для осмотра и нашли в связках юколу. <...> Видели же сделанные из двух дощечек щит из палочек деревянных, собранные на жилейных нитках двои латы...» [Экстракт 1979: 356].

В настоящее время в МАЭ имеется только один предмет из старинных коллекций Кунсткамеры, который можно соотнести с «костяными палочками», использовавшимися женщинами во время шитья, — это костяная спица № 2937-75. В музейных документах неоднократно сообщается о поступлении в Кунсткамеру в 1771 г. алеутской коллекции. Возможно, что в том году поступила

не только коллекция от А.И. Бриля, но и какие-то вещи из сборов М.Д. Левашова.

В 1775 г. небольшая алеутская коллекция поступила в Кунсткамеру от Т.И. Шмалева — «из травы морской ковер» (плетеная циновка. — С.К.) и две плетеные сумки [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 61 об.]. В настоящее время к американской коллекции XVIII в. относятся алеутская корзина (№ 2888-92), к которой есть этикетка: «№ 72. Корзина из травы. Американская», и сумка-корзина (№ 2868-238) — «№ 84. Сумка, из соломы выплетенная. Алеутская». Эта сумка-корзина не имеет аналогов среди других плетеных алеутских изделий музея. По форме и технике плетения она является изделием айну Курильских островов.

В 1779 г. «командир» Камчатки премьер-майор Магнус Карл Бем (1727–1806) получил этнографическую коллекцию по народам Океании от участников третьей экспедиции Джеймса Кука (1728–1779). Из изделий народов Америки в этой коллекции был только деревянный гребень индейцев нутка (№ 505-21) [Корсун 2007: 108]. К собранию участников экспедиции Дж. Кука М.К. Бем добавил несколько вещей ительменов и алеутов и сопровождал эту коллекцию в Санкт-Петербург: «Он <...> вез различные редкости, как то: изделия и одежды Американских народов, минералы и проч., которые представлены от него Императрице Екатерине Алексеевне и по приказанию Ея Величества отданы для хранения в Кунсткамеру С.-Петербургской Академии наук» [Шлун 1823: 9]. Коллекция, подаренная М.К. Бемом, поступила в Кунсткамеру в 19 марта 1780 г. [Летопись 2014: 363]. Из американских предметов в ее состав входили: «веревка, сплетенная из жил», «алеутская рубашка из пузырей», «модель алеутской байдарки» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 118]. От «модели алеутской байдарки» к настоящему времени сохранился только деревянный каркас (№ 2868-214). По конструктивным особенностям он не похож на изделие алеутов.

М.К. Бем был знаком с купцом из города Рыльска Григорием Ивановичем Шелиховым (1747–1795), который в 1770-е годы жил в Иркутске, но по торговым делам часто посещал Камчатку и Охотск. В 1781 г. совместно с И.И. Голиковым он учредил Северовосточную американскую компанию для промысла пушнины на Алеутских островах и Аляске. Г.И. Шелихов знал, что коллекция «редкостей» М.К. Бема вызвала большой интерес у Екатерины II.

В наставлении от 5 мая 1786 г. он писал Константину Алексеевичу Самойлову (?–1788), правителю Северо-восточной американской компании на острове Кадьяк: «Впредь для вывозу в Охотск купить: хороших новых 20 парок еврашечьих (из шкурок суслика. — С.К.), 20 тарбаганьих (из шкурок сурка. — С.К.), 20 урильих шеек (из шкурок с шеи бакланов. — С.К.), 20 шляп кореновых (из корней. — С.К.), сколько можно больше пышных, шерстью мягких, черных и всяких медведен (шапок. — С.К.), 2 шапки деревянные нерпичьих голов, сколько можно ковров шерстяных с бобрами, резаных и вплетенных ремнями 20 цырелов (циновок. — С.К.) и шкатов (корзин. — С.К.) хороших, кинайских (кенайцев. — С.К.), кореновых (из корней. — С.К.) и прочих всяких редкостей, что попадет вывозить. <...> Даже и того не оставить вывезть или заблаговременно к вывозу приготовить: игровых нарядов, как то: личин, шапок, венков, бубнов, в руках держащие побрякушки и прочие» [Наставление 1948: 194–195]. Из-за отсутствия европейских вещей, на которые можно было бы обменять предметы аборигенов, распоряжение Г.И. Шелихова не было выполнено, однако этот документ показывает его интерес к сбору коллекций среди народов Аляски. В 1788 г. мореходы Г.Г. Измайлов и Д.И. Бочаров послали Г.И. Шелихову тлинкитскую коллекцию (об этом собрании будет сказано в дальнейшем).

В июне 1792 г. произошло столкновение между отрядом нового правителя Северо-восточной американской компании Александра Андреевича Баранова (1746–1819) и индейцами ияк и тлинкитами Якутата. Из отряда А.А. Баранова погибли двое русских и девять кадьякцев, тлинкитов и ияк было убито двенадцать воинов. А.А. Баранов писал: «Усмотрели (их. — С.К.) уже в 10 шагах, колющих в наши палатки, долго мы стреляли из ружей без успеха, ибо одеты они были в три и четыре ряда деревянными и плетеными кюяками (доспехами. — С.К.) и сверху еще прикрыты лосиными претолстыми плащами, а на головах с изображением лиц разных чудовищ претолстые шишаки, коих никаких ни пули, ни картечи наши не пробивали...» [Баранов 1863: 37]. В качестве военного трофея А.А. Баранов получил несколько комплектов боевых доспехов, один из которых он отправил коменданту Охотска, а другой — Г.И. Шелихову. В 1789–1793 гг. комендантом Охотска был Иван Гаврилович Кох (?–1811). Свой комплект боевых доспехов Г.И. Шелихов вместе с рапортом в 1794 г. отправил иркут-

скому генерал-губернатору Ивану Алферьевичу Пилю (1730–1801). Он писал: «При сем уведомлении прислал Баранов ко мне одно вышеупомянутое воинское одеяние, а другое при своем рапорте препроводил в Охотское начальство, которое, уповаю, не оставит представить к вашему высокоблагородию» [Шелихов 1948: 360–361]. Где сейчас находятся эти доспехи, сведений нет. В собрании МАЭ к неатрибутированным предметам вооружения тлинкитов относятся боевые доспехи № 5795-8 и щиток для защиты ноги № 2454-9.

16 июня 1794 г. от Адама Кирилловича (Эриковича) Лаксмана (1766–?) вместе с японской коллекцией поступила модель однолючного каяка эскимосов острова Кадьяк (№ 2868-209). Возможно, А.К. Лаксман получил ее в подарок от Г.И. Шелихова. К этой модели каяка есть этикетка: «№ 88. Образец байдары, обтянутой кожей. Американская». Аналогичная этикетка имеется и к модели байдарки № 2868-215: «№ 89. Образец байдары детской. Алеутской». Эта модель байдарки является изделием алеутов о. Уналашки.

Для некоторых алеутских предметов Кунсткамеры имеются рукописные этикетки с порядковыми номерами 72, 75, 80, 84, 88, 89 и др. Как отмечалось, их сделал в конце XVIII в. «помощник надсмотрителя по Библиотеке и Кунсткамере» О.П. Беляев. Кожанный колчан № 4193-84 имеет этикетку с надписью «№ 75. Колчан с гладкими стрелами. Алеутской». Стрелы зарегистрированы в коллекции № 2868 под порядковыми номерами с 1 по 7. Коллекция № 4193 была зарегистрирована в 1931 г. из вещей, утративших музейные этикетки, которые значились как «старинные предметы». К алеутской коллекции XVIII в. относится и шаманская погремушка № 2867-35, которая в книге О.П. Беляева названа «музыкальным орудием» [Беляев 1800: 238]. Аналогичная погремушка представлена в коллекции И.И. Биллингса. В наставлениях участникам торгово-промышленных экспедиций неоднократно упоминалось о необходимости приобретения «музыкальных», то есть шаманских, музыкальных инструментов.

13 мая 1799 г. в Кунсткамеру поступила алеутская коллекция от генерал-прокурора Сената Петра Васильевича Лопухина (1753–1827). Его дочь Анна Петровна Гагарина (1777–1805) была фавориткой императора Павла I. Через П.В. Лопухина пытались добиться монопольных прав на освоение Аляски купцы, возглав-

ляемые Павлом Сергеевичем Лебедевым-Ласточкиным (?–1800). В состав этой коллекции входили:

«<...>

3) 1 парка урыльей шейки.

4) 1 камлея сивучья кишочная.

5) 3 мотка ниток из жил китовых, а 1 из бобровых.

6) 2 мешочка, из коих 1 из кишок китовых, а другой из бобровых.

7) 1 парка косматая. <...>

15) 1 модель алеутской байдарки, называемой трехлюшной, с деревянными статуями. <...>» [Летопись 2014: 650–651].

Несмотря на то что собирателей отдельных американских предметов Кунсткамеры точно установить не удалось, выявлены имена промышленников и мореходов, занимавшихся сбором коллекций. Таким образом, ограничен круг лиц, которые могли быть их собирателями. Часть предметов, к которым есть этикетки со словом «алеутское», могут относиться к коллекции Ф.А. Кулькова, поступившей в Кунсткамеру в 1764 г. По косвенным данным, модель кадьякской байдарки (№ 2868-209) получена от А.К. Лаксмана в 1794 г. Корзина (№ 2888-92) и плетеная сумка (№ 2868-238), возможно, поступили в 1775 г. от Т.И. Шмалева. Металлический нож (№ 2454-3) и пояс (№ 2868-235) могут относиться к сборам И.М. Соловьева. От А.М. Юрлова в 1767 г. могли быть получены костяная ложка (№ 2937-17) и повязка для головы (№ 2868-92). К сборам М.Д. Левашова 1768 г. может относиться костяная спица (№ 2937-75). Колчан (№ 4193-84) и стрелы (№ 2868-1–7) могут происходить из коллекции И.М. Соловьева или А. Очередины.

Собрание Г.Г. Измайлова — Д.И. Бочарова

К уникальным экспонатам американского собрания МАЭ относится тлинкитская коллекция, собранная Герасимом Григорьевичем Измайловым (1745–1795) и Дмитрием Ивановичем Бочаровым (?–1793). В ее состав входят два родовых герба и четыре шерстяные накидки с геометрическим узором, сотканые из пуха горных коз (№ 2520-4, 5, 6, 7). Всего в различных музеях мира хранится около десятка подобных накидок [Samuel 1987]. Кроме тлинкитов, во второй половине XVIII в. шерстяные накидки использовали эскимосы кадьякцы и чугачи. Как отмечалось, в 1764 г.

С.Г. Гловы выменял у жителей о. Кадыяка две шерстяные накидки. В 1783 г. мореход Потап Кузьмич Зайков (?–1791) посетил залив Принс-Уильям. Его берега населяли чугачи. П.К. Зайков писал: «Вблизи у шалашей нашли ящик, в котором лежат женского пола еврашечьи двойные парки и один ковер из шерсти белой, наподобие овечьей, сплетенный с кистями, из такой же шерсти сделанными и выкрашенными желтой и кофейной красками; ковер взяли и вместо него положили бисеру синего, корольков (бус. — С.К.) и иголок» [Зайков 1863: 6].

Длительное время считалось, что тлинкитские накидки МАЭ были приобретены в 1778 г. участниками третьей экспедиции Дж. Кука. Эта точка зрения основывалась на том, что в 1779 г. капитан Чарльз Клерк (1741–1779) во время стоянки в порту Петропавловска-Камчатского передал М.К. Бему этнографическую коллекцию по народам Океании. Эту коллекцию М.К. Бем лично доставил в Санкт-Петербург, 27 марта 1780 г. она поступила в Кунсткамеру. Как упоминалось, в 1794–1797 гг. О.П. Беляев сделал из игральных карт этикетки к этнографическим предметам музея. В конце XIX в. сотрудница музея, медик по профессии, Евгения Львовна Петри (1856–1923) зарегистрировала океанийскую коллекцию участников экспедиции Дж. Кука. Она знала, что ко всем предметам этой коллекции есть этикетки из игральных карт и считала, что они были сделаны М.К. Бемом. Этикетку из игровой карты она увидела и на тлинкитской накидке № 2520-5, на этой этикетке Е.Л. Петри сделала приписку: «Почерк Бема. Е. Петри». Эта ошибка привела к тому, что в течение столетия тлинкитские накидки с геометрическим узором относили к собранию участников третьей экспедиции Дж. Кука.

В то же время имеются достоверные сведения о поступлении в МАЭ тлинкитских накидок с геометрическим узором. В 1788 г. по приказу Г.И. Шелихова была организована экспедиция для исследования северо-западного побережья Аляски на галиоте «Три Святителя» под командованием мореходов Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова. В июне 1788 г. участники экспедиции исследовали залив Якутат, побережье которого населяли индейцы ияк и тлинкиты. В то время здесь находились тлинкиты куана канахтеди общины Чилкат во главе с вождем Илхаком (Ильхак, Йэлгок). Ему подарили российский медный герб в виде двуглавого орла, держащего скипетр и державу. В качестве ответного дара

Илхак «представил в знак своего к России повиновения одну, наподобие вороньего носа, железную штучку, за божество у них почитаемую; мешочек из трав плетеный пестрый; шесть бобровых парок и две доски, раскрашенные красками, одну кожаную, а другую деревянную, имеющую в себе небольшие камешки» [Шелихов 1971: 105–106].

Илхак был одет в накидку из меха калана: «16-го числа сей же тоен (вождь Илхак. — С.К.) прибыл <...> на судно с двумя старшинами и врученный ему герб имел уже пришитым на своем бобровом плаще...» [Там же: 105]. Оставив залив Якутат, галиот «Три Святителя» прошел вдоль побережья и сделал остановку в заливе Льтуа. Здесь русские щедро одарили вождя Таик-нух-Тахтуях (Таик Нуха): «Был показан ему один <...> российский медный герб, который удовлетворил уже чувствование его о власти так, что когда предложили ему оный таким порядком, как и первому колюжскому (тлинкитскому. — С.К.) тоену Илхаку, то он не только принял его с уважением, но, желая доказать <...> свою признательность, велел своим подчиненным подать из байдар одного нового бобра (шкуру калана. — С.К.) и шесть бобровых ковров и, взяв оные, сам вручил на судне в знак своего усердия к императорскому высочайшему двору и требовал, чтобы прислано оное было туда непременно, почему сей бобр и ковры от него и приняты» [Там же: 109].

Предметы культуры и быта тлинкитов, полученные от участников экспедиции Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова, Г.И. Шелихов отправил в Иркутск генерал-губернатору И.А. Пилу. Он, в свою очередь, отправил эту коллекцию «редкостей» императрице Екатерине II. В сопроводительном рапорте И.А. Пиль писал: «Осмеливаюсь я, всемилостивейшая государыня, представить здесь перед освященные стопы Ваши и те самые вещи, кои от сих диких, в знак всеподданнического их долгу, принесены к компанейским мореходам» [Пиль 1948: 300].

Упомянувшиеся выше «бобровые ковры» вместе с другими вещами доставили Екатерине II и по ее распоряжению 30 сентября 1790 г. передали в Кунсткамеру. В журнале поступлений МАЭ сказано, что из Императорского Эрмитажа от секретаря императрицы графа Александра Андреевича Безбородко (1747–1799) поступили «шесть четырехугольных накидок с Алеутских островов, сделанных из очень тонкой шерсти и искусно переплетенных полосами из шкур выдры», а также «сумка из травы, раскрашенные

изображения, металлический идол и три серебряные испанские медали» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 2. Л. 75]. Серебряные медали раздавали жителям залива Принс-Уильям экипажи испанских судов «Принцесса» и «Сан-Карлос» в 1788 г. [Пиль 1944: 107]. В остальном этот список полностью соответствует тому, что получили участники экспедиции Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова у тлинкитов побережья заливов Якутат и Льюта. Исследователи неоднократно высказывали мнение, что в МАЭ есть предметы из сборов участников экспедиции Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова. К этому собранию относили два тлинкитских герба — кожаный (№ 2448-29) и деревянный (№ 2448-30) [Siebert, Forman 1967: 21; Дзенискевич 1992: 69]. В процитированных выше документах они обозначены как «раскрашенные изображения» или как «две доски, раскрашенные красками».

В настоящее время в МАЭ на хранении находятся четыре тлинкитские накидки с геометрическим узором. Что касается двух недостающих накидок, то одна из них в 1862 г. была передана по обмену в Королевский музей Копенгагена [Samuel 1987: 104–111; Emmons 1991: 229], о другой сведений найти не удалось. В 1915 г. С.А. Ратнер-Штернберг зарегистрировала в коллекции № 2520 четыре тлинкитские накидки с геометрическим узором и две перьевые накидки индейцев Калифорнии (всего шесть накидок). Эти накидки были объединены в одной коллекции, так как было известно, что первоначально в Кунсткамеру поступил комплект из шести накидок.

Накидки являлись атрибутом социального статуса. Из-за трудоемкого процесса изготовления они стоили очень дорого, поэтому их использовали только вожди, старейшины домохозяйств и шаманы. Также накидка являлась обязательным элементом погребального костюма. Индейцы считали, что душу вождя, после того как она достигнет мира мертвых, сразу же по накидке можно будет отличить от душ простолюдинов. Об использовании накидок Ю.Ф. Лисянский писал: «Зажиточные (тлинкиты. — С.К.) окутываются также в белые одеяла из шерсти здешних диких баранов. Они обыкновенно вышиваются четырехугольными фигурами с кистями черного и желтого цвета вокруг. Иногда их внутреннюю часть украшают бобровым пухом» [Лисянский 1947: 211]. Наиболее поздние рисунки накидок с геометрическим узором и аборигенов в них сделаны художниками М.Т. Тихановым в 1818 г. [Эски-

мосы 2010: 30] и П.Н. Михайловым в 1827 г. [Samuel 1987: 69, 72, 145; Павел 2012: 94, 97]. Таким образом, накидки с геометрическим узором бытовали у тлинкитов до конца 1820-х годов, когда их заменили накидки-чилкат.

Собрание И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева

В 1785–1794 гг. состоялась правительственная Северо-восточная географическая экспедиция под руководством **Иосифа Иосифовича Биллингса** (1761–1806) и **Гавриила Андреевича Сарычева** (1763–1831). Цель экспедиции состояла в комплексном изучении Северо-Восточной Сибири и Аляски и закреплении этих территорий за Россией. 9 мая 1790 г. судно «Слава России» под командованием И.И. Биллингса вышло из Петропавловска-Камчатского. Во время навигации 1790 г. участники экспедиции провели исследования на о. Уналашка, Кадык, в заливе Принс-Уильям, откуда проследовали до о. Каяк, а затем отправились в обратный путь. На Камчатку судно вернулось 13 октября 1790 г. 19 мая 1791 г. «Слава России» вышла в новое плавание. У Командорских островов сделали кратковременную остановку, 25 июня судно стало на якорь у о. Уналашка. 8 июля отправились в плавание в район Берингова пролива и 4 августа встали на якорь в заливе Св. Лаврентия на Чукотке. Отсюда И.И. Биллингс отправился в сухопутное путешествие по Чукотке. 13 августа командование судном принял Г.А. Сарычев. На следующий день корабль «Слава России» вышел в плавание к Уналашке. В период с 29 августа 1791 г. по 16 мая 1792 г. участники экспедиции провели исследования на островах Уналашка, Унимак, Санах и на юго-западной оконечности полуострова Аляска.

Для И.И. Биллингса это была вторая экспедиция в северный район Тихого океана. Свое первое плавание он совершил в составе третьей экспедиции Дж. Кука в 1776–1780 гг. Во время работы в составе Северо-восточной географической экспедиции И.И. Биллингс использовал английские карты, поэтому в списке его коллекции предметы, полученные от чугачей, были обозначены как вещи жителей Сандвич-Соунда. Это название в 1778 г. Дж. Кук дал заливу Принс-Уильям. Научный отряд Северо-восточной географической экспедиции возглавлял натуралист Карл Генрих Мерк (1761–1799), который проводил исследования и со-

бирал коллекции по инструкции академика Петра Симона Палласа (1741–1811). После возвращения участников экспедиции осенью 1794 г. в Санкт-Петербург все материалы Северо-восточной географической экспедиции поступили в Государственную Адмиралтейств-коллегию. В рапорте на имя Екатерины II сказано: «А минувшего сентября 30 и октября 6-го числа от него, Биллингса, представлены разные журналы, <...> и притом объявлено, что у означенного доктора Мерка имеются разные натуральные собрания и редкости, то кому повелено будет все сие, для надлежащего разобранья и рассмотрения, отдать» [Из доклада 1989: 331].

В ответ на этот рапорт последовал указ: «Разные же редкости и собрания, до натуральной истории касающиеся, доставить в нашу Академию наук» [Указ Адмиралтейств-коллегии 1989: 337]. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН хранится копия списка коллекции И.И. Биллингса, поступившей в Кунсткамеру осенью 1794 г. Этот список был составлен кем-то из сотрудников музея в конце XVIII в. В списке несколько раз повторяется географическое название — «остров Сандвич-Соунд», то есть «остров Залив Сандвича». Никто из участников экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева не называл «Сандвич-Соунд» островом. Таковую ошибку мог сделать человек, не владевший английским языком. Однако вышеуказанный список был составлен на основе каких-то документов собирателей или устных сообщений участников экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева. В Кунсткамере к отдельным предметам этой коллекции сделали музейные этикетки, их порядковые номера и надписи на предметах соответствуют номерам вышеупомянутого списка. Отметим, что к коллекции И.И. Биллингса, как и ко всем предыдущим американским коллекциям Кунсткамеры, есть этикетки нескольких типов — этикетки, на которых повторены номера списка И.И. Биллингса, и этикетки, сделанные О.П. Беляевым.

«Опись уборам, одеждам, орудиям и прочим
капитаном Биллингсом присланным мелочам¹

1, 2, 3. Платье калмыкское хорошее с принадлежащим к оному нагрудником, на коем дощечка серебряная, и шапкой.

4. Чукотское зимнее платье из лосиной кожи.

---

¹ Здесь и далее цитаты приведены в соответствии с правилами современного русского литературного языка.

5. Сапоги, к нему принадлежащие.
- 6, 7, 8. Пояс, серьга и головной убор.
9. Шапка.
10. Платье хорошее жителей Уналашки, из кожи молодого морского медведя сделанное и богато украшенное, с принадлежащей к оному
11. деревянную шапкую.
12. Уборы головные.
13. Пояс женский шитый и мужской обыкновенный пояс.
14. Инструмент (систр), из птичьих носов сделанный и при плясках употребляемый.
- 15, 16. Две из кож морских зверей сшитые камлеи, или дождевые рубахи, из которых одна совсем новая.
17. Парка алеутская из птичьих чрев.
18. Циновка уналашская.
19. Корзина кадыякских жителей, сплетенная из корней, для ношения воды.
20. Корзина из (пропуск. — С.К.) для собирания ягод.
21. Платье кадыякских жителей из лосиных кож.
22. — — — из кожи суслика с Сандвич-Соунда.
23. Систр, инструмент, употребляемый при плясках жителей онаго острова.
- 24, 25. Две шляпы соломенные американские жителей Сандвич-Соунда.
26. Платье кожаное оных же жителей.
27. Деревянные латы, весьма хорошо сделанные, оттуда же.
28. Колчан с 4 медными стрелами, оттуда же.
29. 6 американских стрел с костяными концами и два лука.
30. Шесть небольших копий, употребляемые на ловле небольших морских зверей и на войне с Америкою.
31. Три дощечки, метаемые из рук.
32. Небольшое копые (метаемое из рук. — С.К.).
- 33, 34. Два больших копыя для китов и морских львов, с костяными концами.
35. Копья, из коих некоторые с аспидными концами для китов.
36. Лук американцев, живущих насупротив чукчей.
37. Железный кинжал хорошей работы.
38. — — — — — чукотских.
39. — — — — — кадыякск.

40. — — — — —

41. Деревянный наглазник от снега и солнечного свету, у чукчей и островских жителей употребляемый.

42. Ременная праща чукчей.

43—49. Разные мелкие вещи чукчей из моржовых зубов.

50. Костяной гребень, оных же.

51, 52. Два костяных игольника чукотских женских, с проде-
тыми сквозь ремнями оканчивающимися костяными штучками,
из коих одна представляет собачью голову.

53. Орудия, служащие для плетения сетей, того же народа.

54. Шесть костяных штучек для плетения больших сетей для
китов.

55. Костяной щит алеутов, надеваемый на руку при бросании
стрел для защиты сустава, соединяющего кость с кистью.

56. Костяная модель американских саней.

57. Железный нарукавник чукотских женщин.

58. Десять разных костяных вырезанных украшений, при-
крепляемых к шапкам, с Алеутских островов.

59. Серьги и зубы с островов, противлежащих Америке, при-
шиваемые к губам.

60. Бобровый зуб с деревянную рукояткою, которым заостря-
ют каменные стрелы.

61. Краски и две кисти американских женщин.

62. Мешок, искусно сшитый из кишок, жителей острова Уна-
лашки.

63. Деревянный идол кадьякский с черными волосами.

64. Идол охоты островских жителей, представляющий со
спины морскую выдру.

65. 46 костяных игрушек, изображающих птиц. Игрушки де-
тей чукчей.

66. Род шашек, из коих 10 дер(евянных), да 2 кост(яные),
чукчей.

67. Деревянный ящик, сделанный наподобие морской выдры,
в который кладут островские жители концы от стрел и другие ме-
лочи и у коего наблюдают вместо... маленьких морских выдр.

68. Деревянная (удила с крючками) с лесами из китовых усов
и с костяными поплавками уда.

69. Сеть плетеная из... жил, для ловли морских выдр.

70. Плетеная сеть для ловли больших рыб.

71. Длинные ремни, вырезанные из кожи, для... китов и для дротиков. Все с островов, лежащих против Америки.

72. Костяные гири, привешиваемые к сетям.

73. Сигаро, или испанский табак, найденный у жителей острова Сандвич-Соунда.

74. Ременная веревка, принадлежащая дротик, которым ловят китов.

75. Три деревянные блюда и три ложки американцев.

76. Кусок благовонного дерева.

77. Деревянный курильский лук.

78. ...китовый суп... употребляемый чукчами в пищу» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Д. 9. Л. 381—383].

В списке под номерами 1, 2, 3 указана одежда калмыков, которую участники экспедиции приобрели в 1785 г. во время путешествия из Санкт-Петербурга в Сибирь. Под номерами с 4 по 9 значится одежда чукчей, эти вещи могли быть приобретены в 1787 г. в Нижне-Колымске. С 10-го по 18-й номер в основном перечислены вещи алеутов, их могли приобрести летом 1790 г., когда И.И. Биллингс, командуя судном «Слава России», совершил плавание вдоль Алеутских островов и далее к острову Кадьяк и в район залива Принс-Уильям. Г.А. Сарычев, сообщая о встрече с чугачами 20 июля 1790 г., писал: «Поутру рано приехали к нам американцы, взошли на судно и с нами познакомились. Следующие дни приезжали они в большом числе и предлагали нам в промен из старого распоротого платья бобровые лоскутья, стрелы и домашнюю свою деревянную посуду. От нас охотнее всего брали стеклянные мелкие голубого цвета пронизки (бисер. — С.К.). При промене часто употребляли они слова “амико” (друг. — С.К.) и “пленти” (много. — С.К.) и сказывали толмачу нашему, что выучились оным от приходящих к ним судов. Почему мы и заключили, что виделись они с гишпанцами и англичанами» [Сарычев 1952: 155].

Соответственно под номерами с 19 по 21 перечислены вещи кадьякцев, с 22 по 29 — чугачей, с 30 по 35 — снова кадьякцев, далее вещи разных народов перечисляются вперемежку. Это можно объяснить тем, что к коллекции, собранной К.Г. Мерком, добавили вещи, приобретенные другими участниками экспедиции. Изучение вышеприведенного списка, музейных документов и отдельных предметов позволило идентифицировать вещи участ-

ников экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева в собрании МАЭ.

«9. Шапка» — это головной убор чукчей № 2930-49.

«12. Уборы головные» — это, вероятно, церемониальный головной убор с вырезанной на нем головой сивуча № 562-2. К нему отнесем фразу из дневника И.И. Биллингса: «Есть у них шляпки деревянные, с резными на них головками разных морских животных» [Биллингс 1979: 388]. Об использовании подобного головного убора Ю.Ф. Лисянский писал: «Охотник скрывается между камнями и, надев на голову шапку, сделанную из дерева наподобие нерпичьей морды, кричит голосом нерпы. Животное, надеясь найти себе товарища, подплывает к берегу и там лишается жизни» [Лисянский 1947: 185].

«14. Инструмент (систр), из птичьих носов сделанный и при плясках употребляемый» — погремушка-трещотка с клювами топорка № 2867-34. О ее использовании О.П. Беляев писал: «Муסיкийское орудие жителей острова Уналашки, состоящее из пяти разной величины обручей, укрепленных горизонтально поперечную палочкою и узких ипаткиными носами, которые при малейшем трясении, друг о друга ударяясь, производят довольно ощутимый и приятный шум» [Беляев 1800: 238]. Предметы духовной культуры алеутов в этнографических собраниях музеев встречаются редко. Они представлены в основном церемониальными головными уборами и масками. Эта погремушка является свидетельством культурных связей народов Аляски. В МАЭ хранятся подобные по форме погремушки эскимосов острова Кадьяк и тлинкитов. На сходный мифологический цикл о происхождении солнца, луны и звезд у тлинкитов и алеутов указывал И.Е. Вениаминов [Вениаминов 1840, III: 47].

«15, 16. Две из кож морских зверей сшитые камлеи, или дождевые рубахи, из которых одна совсем новая» — эскимосские камлейки № 562-1, 6. Камлейка № 562-6 является изделием эскимосов района Берингова пролива.

«19. Корзина кадьяхских жителей, сплетенная из корней, для ношения воды» — водонепроницаемая корзина № 2552-2, о которой в дневнике И.И. Биллингса говорится: «У них (кадьяхцев. — С.К.) есть также из трав и морских растений сплетенные корзинки так плотно, что они в них держат воду. И варят себе кушанья по-

средством каленых камней, которые они кладут в ту воду с рыбою или мясом» [Биллингс 1979: 387].

«23. Сistr, инструмент, употребляемый при плясках жителей онаго острова» — возможно, это бубен № 666-14. В XVIII в. термин «сistr» применялся по отношению как к погремушкам, так и к музыкальным инструментам, при игре на которых использовались колотушки, то есть в отношении шаманских бубнов.

«24, 25. Две шляпы соломенные американские жителей Сандвич-Соунда» — плетеные из елового корня шляпы № 562-4, 5. К.Г. Мерк писал: «Их шляпы маленькие, имеют форму короткого конуса со сплюсненным дном и окрашены. Называются Nukwachtuk. Жены делают их из корней ели — Auginak, а некоторые носят шляпы, которые заканчиваются цилиндрами с несколькими уступами» [Мерк 1978: 71]. Низкая шляпа с маленькими полями № 562-5 относится к наиболее древнему типу. На передней части ее тульи изображена голова кита-косатки или морского льва, на другой стороне — антропоморфная личина, которая символизировала его душу. Шляпа № 562-4 имеет четыре цилиндрические надставки. Такой тип шляп чугачи заимствовали у тлинкитов. Надставки означали количество ритуальных празднеств — потлачей, которые организовал владелец шляпы. Во время потлача вождь раздавал гостям — представителям другой фратрии — свое имущество и таким образом повышал свой социальный статус в глазах соплеменников. На шляпе намечены контуры для нанесения рисунка. Возможно, это незаконченный экземпляр.

«27. Деревянные латы, весьма хорошо сделанные, оттуда же» — боевые доспехи чугачей № 2454-6. Панцирь состоит из двух разных по размеру частей. Он сделан из тонких деревянных реек, оплетенных сухожилиями. Большая по размеру часть панциря защищала спину, меньшая — грудь.

«28. Колчан с 4 медными стрелами, оттуда же» — две стрелы № 562-7/1, 2 и два древка от стрел № 562-7/3, 4. Наконечники стрел сделаны из меди, что является свидетельством их древности. Искусство обработки меди способом холоднойковки было известно народам Аляски до знакомства с европейцами. Первыми из народов Аляски научились обрабатывать самородную медь индейцы атна, а от них эти навыки заимствовали их соседи.

«29. 6 американских стрел с костяными концами и два лука» — луки чугачей № 2915-22, 26 и стрелы № 2915-2, 3, 4, 5, 6, 7.

Когда в 1901 г. К.К. Гильзен зарегистрировал американское собрание МАЭ, то он присвоил стрелам № 2915-2, 3, 4, 5, 6, 7 временный номер 38д, а стрелам денайна № 2667-31, 32, 33, 34, 35, 36 — временный номер 39д. Этикетку к стрелам из коллекции И.И. Биллингса с надписью «6 стрел и два лука № 29» К.К. Гильзен вклеил в музейную карточку к стрелам денайна с медными наконечниками. В результате этой ошибки стрелы № 2915-2, 3, 4, 5, 6, 7 в музейной документации были отнесены к сборам И.Г. Вознесенского. В каталоге «Эскимосы аляутиик» они также отнесены к собранию И.Г. Вознесенского [Эскимосы 2010: 360–361]. Эти стрелы повторяют форму легких гарпунов для охоты на каланов, но отличаются от них меньшими размерами и вырезом для тетивы в нижней части древка.

«30. Шесть небольших копий, употребляемые на ловле небольших морских зверей и на войне с Америкой» — это легкие гарпуны кадьякцев для промысла каланов № 2888-56, 57, 58, 59, 60, 61.

«31. Три дощечки, метаемые из рук» — метательные дощечки № 2888-27, 30, 31. Из них № 2888-30, 31 — изделие кадьякцев, № 2888-27 — алеутов. Описание метательных дощечек алеутов приведено у Г.А. Сарычева: «Дощечки для бросания стрел длиною бывают в полтора фута, шириною в два дюйма; на одном конце сделано место, чтоб ловко можно было держать рукою, а на другом вставлена наподобие гвоздика косточка, в которую во время бросания стрел конец ее упирается. Стрелы и дощечки мажут красною краскою...» [Сарычев 1952: 213–214].

«32. Небольшое копьё (метаемое из рук. — С.К.)» — это гарпун № 2888-66.

«33, 34. Два больших копьё для китов и морских львов, с костяными концами» — гарпуны № 2868-194, 195. Отделяющиеся наконечники этих гарпунов зарегистрированы под № 2888-21, 22.

«36. Лук американцев, живущих насупротив чукчей» — это, вероятно, лук № 7401-15.

«58. Десять разных костяных вырезанных украшений, прикрепляемых к шапкам, с Алеутских островов» — возможно, что здесь говорится о фигурках птичек № 2937-4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

«63. Деревянный идол кадьякский с черными волосами» — фигура мужского предка № 2938-4. Считалось, что в ней живет

дух, который оберегал ребенка до его инициации, то есть до прохождения обряда перехода из одной возрастной категории в другую. Также такие фигурки использовались во время обрядов, связанных с почитанием предков.

«64. Идол охоты островских жителей, представляющий со спины морскую выдру» — вырезанная из дерева фигурка сивуча № 562-3, которая символизирует женского духа Имам Шуа. Кадьякцы считали, что она живет на дне моря и появляется перед людьми в образе женщины или тюленя-сивуча. Перед началом охоты Имам Шуа приносили жертвы в виде кусочков мяса, которые бросали в воду.

«69. Сеть, плетенная из... жил, для ловли морских выдр» — сеть № 3529-47.

Соотнесение музейных предметов с вышеприведенным списком позволило уточнить этническую принадлежность ряда вещей в коллекции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева и сделать их описание по документам собирателей.

* * *

Таким образом, в XVIII в. в Кунсткамеру поступили многочисленные коллекции из разных районов Америки. Это коллекция по ирокезам, золотые изделия из Суринама, одежда и украшения аргентинцев, коллекция по индейцам Бразилии, отдельные вещи эскимосов Гренландии и т.д., но наибольшее количество предметов поступило с территории Русской Америки. После открытия Аляски и Алеутских островов участниками экспедиции В.Й. Беринга — А.И. Чирикова в 1741 г. начинается освоение этих территорий, и в Кунсткамеру стали поступать этнографические коллекции по алеутам, эскимосам Аляски, индейцам атапаскам и тлинкитам.

В начале XIX в. в Кунсткамеру продолжали поступать отдельные предметы и небольшие коллекции по народам Америки. 31 января 1803 г. из Императорского Эрмитажа передали «два платья жителей Алеутских островов из шкурок утки, украшенные сверху разноцветными узорами, жилами и белыми волосами. Одно платье украшено бобровым воротником. Плащ алеутских жителей, украшенный сверху шерстяными кисточками и отороченный шелковыми розовыми лентами» [Летопись 2014: 441]. Директор Российско-Американской компании Михаил Матве-

евич Булдаков (1766–1830) в 1810 г. передал алеутскую сумочку, в 1814 г. — какую-то американскую коллекцию, в 1817 г. — коллекцию орудий охоты алеутов. Кроме самого факта поступления, об этих предметах ничего неизвестно. Также в 1817 г. в Кунсткамеру поступили две сумочки эскимосов, проживавших в районе пролива Дэвиса, который отделяет Гренландию от Баффиновой Земли (№ 561-1, 2).